

Стихотворения, частушки, страдания

Частушки

Девичьи и любовные

Из колодца вода льется,

Вода волноватая.

Мил напьется, подерется,

А я виноватая.

– Дорогой, куда пошел?

– Дорогая, по воду.

– Дорогой, не простудись

По такому холоду.

Сидела на бочке.

Румяные щечки.

Люди скажут – «навелась».

Я ж такая родилась.

Милый ходит за сохой,

Машет мне косынкой.

Милый любит всей душой,

А я половинкой.

Рассыпья, горох,

По чистому блюду.

Я любила всех подряд,

Теперь не буду.

Полоскала я платочек,

Полоскала – вешала.

Не любила я милого,

Лишь словами тешила.

С гор потоки, с гор потоки, С гор холодная вода.

Насмеялся дрянь-мальчишка, А хороший никогда.

Ай, лед хрустит

И вода льется.

Ты не думай, не гадай —

Дело не сойдется.

Ах, платочек-летуночек,

Обучи меня летать.

Не высоко, не далеко —

Только милого видать.

Милый пишет письмецо:

«Не потеряла ли кольцо?»

А я на толево пишу —

На правой рученьке ношу.

Я калоши не ношу,

Поблуду их к лету.

А по совести скажу —

У меня их нету.

– Милая подруженька,

Чем ты набелилася?

– Я коровушку доила,

Молочком умылася.

Маменька ругается,

Куда платки деваются.

Сама не догадается,

Что милый утирается.

С крыши капала вода,

Милый спрашивал года.

– Скажи, милка, сколько лет, Повенчают али нет?

Дайте ходу пароходу,

Натяните паруса.

Не за все дружка любила — За кудрявы волоса.

Не тобой дорога мята,

Не тебе по ней ходить,

Не тобою я занята,

Не тебе меня любить.

На оконышке цветочек,

Словно бархатиночка.

Оттого милой не любит,

Что я сиротиночка.

Я свои перчаточки

Отдала Васяточке:

Я на то надеюсь —

Пойду плясать, согреюсь.

Я плясала, топала,

Я любила сокола,

Я такого сокола —

Ростом невысокого.

Скоро, скоро Троица,

Береза принакроется.

Скоро миленький приедет,

Сердце успокоится.

Милая сестрица,

Давай с тобой делиться:

Тебе соху, борону,

Мне чужую сторону.

Милая, духаная,

Соломой напиханная,

Ликом наведенная,

Скажи, в кого влюбленная?

Милый мой, хороший мой,

Мне с тобой не сговорить.

Отпусти меня пораньше,

Мне коровушку доить.

Плясала вприсядку,

Любила Васятку.

Теперь Васятку —

Под левую пятку.

Прибаски

!

(На растянутый лад, под ливенку. Поют парни.)

Разлюбимый мой товарищ

С одной ложки ел и пил.

С одной ложки ел и пил,

У меня милку отбил.

Девки крали, девки крали, Шестьдесят рублей украли.

А ребята короли

С завода лошадь увели.

Я свою симпатию

Узнаю по платию.

Как белая платия,

Так моя симпатия.

Под окошком следа нет,

Видно, кони вымели.

А моей милашки нет,

Видно, замуж выдали.

Не стругает мой рубанок,

Не пилит моя пила.

Нас священник не венчает, Мать совету не дала.

Я не сам гармошку красил, Не сам лаком наводил.

Я не сам милашку сватал — Отец с матерью ходил.

Наши дома работают,

А мы в Питере живем.

Дома денег ожидают,

Мы в опорочках придем.

Дуют ветры, дуют буйны

Из куста орехова.

Ты скажи, моя зазноба,

С кем вчера приехала?

Погуляйте, ратнички,

Вам последни празднички.

Лошади запряжены,

Сундуки улажены.

Не от зябели цветочки

В поле приувянули.

Девятнадцати годочков

На войну отправили.

Сядьте, пташки, на березку, На густой зеленый клен.

Девятнадцати годочков

Здесь солдатик схоронен.

Ты не гладь мои кудерки,

Золоченый гребешок,

За Карпатскими горами

Их разгладит ветерок.

II

(Плясовой лад, под тальянку. Поют бабы и девки.)

Ах, Ванька туз,

Потерял картуз.

А я пол мела —

Картуз подняла.

Мой муж арбуз,

А я его дыня.

Он вчера меня побил,

А я его ныня.

Мельник, мельник

Завел меня в ельник.

Меня мамка веником:

Не ходи по мельникам!

Хоть бы тучка накатила

Или дождичек пошел.

Хоть бы милый догадался,

На вечерушку пришел.

Гармонист, гармонист,

Рубаха бурдовая,

Чрез тебя я, гармонист,

Стала нездоровая.

Мой миленок в Питери

Поступил в учителя,

За дубовым столом

Пишет серебряным пером.

Проводила мужа,

Под ногами лужа.

Сердце бьется, колотится: Боюсь, назад воротится.

А я нынче молода —

На лето невеста.

Ищи, мамка, жениха,

Хорошее место!

Пойду плясать,

Ногой топну.

Семерых люблю,

По одном сохну!

Рассыпья, горох,

На две половинки...

У попа жена помрет,

Пойду на поминки.

Опущу колечко в речку,

Что-нибудь да попадет.

Либо щука, либо лень,

Либо с милого ремень.

Дай бог снежку

Завалить стёжку,

Чтобы милый не ходил

К моему окошку.

Прокатился лимон[1]

По чистому полю.

Не взяла бы сто рублей

За девичью волю!

Страданья

За страданье

Мамка бро?нит.

Побить хочет —

Не догонит.

Страдатель мой,

Страдай со мной.

Надоело

Страдать одной.

– Голубенок!

Возьми замуж.

– Голубушка,

Не расстанусь!

В небе звездам

Счету нету.

Всех любить

Расчету нету.

Ах, колечко

Мое сине.

На колечке

Твое имя.

Пострадала,

Ну, довольно...

От страданья

Сердцу больно.

Милый бросил,

А я рада:

Все равно

Расстаться надо.

Милый бросил,

А я – ево.

Ему стало

Тошней мово.

Ах, какая

Ночь темная,

До свиданья,

Знакомая!

Она моя,

Энта, энта.

Голубая

В косе лента.

Возьму карты —

Нет валета.

Мил уехал

На все лето.

Девки, стойте,

А я по?йду.

Примечайте

Мою хо?тьбу.

Не страдай,

Король бубновый,

У меня

Страдатель новый.

Не влюбляйся,

Красавица,

Он картежник

И пьяница.

По заре

Далеко слышно,

Что Парашка

Замуж вышла.

Не боюсь
Тюремных за?мок,
Я боюсь,
Наставят банок.
Товарищи,
За что бьете?
Без меня вы
Пропадете.
За рекою,
За быстрою,
Монастырь
Девкам построю.
В монастырь
Хотел спастись,
Жалко с девками
Расстаться.
Пойдем, милый,
Стороною,
А то скажут:
Муж с женою.
Пролетела
Про нас слава
До самого
Ярослава.
Гуляй, милка,
Нам все равно,
Про нас слава
Идет давно.
Куда пошел?
Чего делать?
Я ищу
Красивых девок.
Твои глаза.
Мои тожа.
Что не женишься,
Сережа?
Твои глаза
Больше моих.

Я – невеста,

Ты – мой жених.

Неужели сад завянет,

В саду листья опадут?

Неужели не за Ваню

Меня замуж отдадут?!

Смешанные

Подруженька, идут двое.

Подруженька, твой да мой.

Твой в малиновой рубашке, А мой в светло-голубой.

Висожары высоко,

А месяц-то низко.

Живет милый далеко,

А постылый близко.

Пойду плясать,

Весь пол хрястит.

Мое дело молодое,

Меня Бог простит.

Дайте, дайте мне пилу,

Я рябинушку спилю.

На рябине тонкий лист,

А мой милый гармонист.

Ах, што ж ты стоишь,

Посвистываешь?

Картуз потерял,

Не разыскиваешь!

Я ходила по полю,

Мимо кони топали.

Собирала планочки

Ваниной тальяночки.

Пали снега, пали белы,

Пали да растаяли.

Всех хорошеньких забрили, Шантрапу оставили.

Ах, щечки горят,

Алые польщут.

Не меня ли, молодую,

В хороваде ищут?

Ай, мать бро?нится,

И отец бро?нится:

– За каким же непутевым

Наша девка гонится!

А я чаю накачаю,

Кофею нагрохаю.

Поведут дружка в солдаты, Закричу, заохаю.

Ах, девки, беда —

Тальянка худа.

Надо денег накопить

Да тальяночку купить.

Ах, сад-виноград,

Зеленая роща.

Ах, кто ж виноват —

Жена или теща?

Ай, мать, ай, мать,

На кой меня женишь?

Я не буду с женой спать,

Куда ее денешь?

Молодой мельник

Завел меня в ельник.

Я думала – среда,

Ныне понедельник!

Не трожь меня, Ванька,

Я попова нянька.

В коротенькой баске,

Голубые глазки.

Ах, лапти свей

И оборки свей.

Меня милая не любит —

Лихоманка с ней.

Я ли не поповна.

Я ли не духовна.

А кто меня поцелует,

Благодарю покорно!

Пускай хают, нас ругают,

Что отчайные растем.

А мы чайные-отчайные

Нигде не пропадем!

В эту пору, на Миколу,

Я каталася на льду.

Приходили меня сватать,

Я сказала: не пойду!

Ах, темный лес,

Подвинься сюда.

Я по этому лесу

Свое горе разнесу.

Провожала Коленьку

За нову часовенку.

Провожала за ручей,

Я не знаю, Коля чей.

Чик, чик, чикалочки,

Едет мужик на палочке.

Жена на тележке

Щелкает орешки.

Уж я рожь веяла

И овес веяла.

Мне сказали – дружка взяли, А я не поверила.

Никому так не досадно,

Как мне, горькой сироте:

Съел я рыбину живую,

Трепещется в животе!

Стихотворения

«Выткался на озере алый свет зари...»

Выткался на озере алый свет зари.

На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.

Только мне не плачется – на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог, Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет, Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты, Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари, Есть тоска веселая в аlostях зари.

1910

Подражанье песне

Ты поила коня из горстей в поводу, Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок, Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй

С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня, Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...

Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадильный канон, Все мне чудился тихий раскованный звон.

1910

«Хороша была Танюша...»

Хороша была Танюша, краше не было

в селе,

Красной рюшкою по белу сарафан

на подоле.

У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.

Месяц в облачном тумане водит с тучами

игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой

головой:

«Ты прощай ли, моя радость, я женюсь

на другой».

Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.

Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду

я скажу,

Я пришла тебе сказать: за другого выхожу».

Не заутренние звоны, а венчальный

переклик,

Скачет свадьба на телегах, верховые

прячут лик.

Не кукушки загрустили – плачет Танина

родня,

На виске у Тани рана от лихого кистеня.

Алым венчиком кровинки запеклися

на челе,

Хороша была Танюша, краше не было в селе.

1911

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.

Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем

бирюза.

Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор, Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.

Пусть послушает красавица припаски

жениха.

1912

«Матушка в Купальницу по лесу ходила...»

Матушка в Купальницу по лесу ходила, Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи, Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила, Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле, Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской

ночи,

Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове, Выбираю удалю и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю

Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

1912

«Зашумели над затоном тростники...»

Зашумели над затоном тростники.

Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.

Расплела волна венки из повилки.

Ах, не выйти в жены девушке весной, Запугал ее приметам лесной.

На березке пообъедена кора —Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой, —Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рощи ели льют, Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по берегу грустна, Ткет ей саван нежнопенная волна.

1914

«Устал я жить в родном краю...»

Устал я жить в родном краю

В тоске по гречневым просторам, Покину хижину мою,

Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня

Искать убогое жилище.

И друг любимый на меня

Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу

Обвита желтая дорога,

И та, чье имя берегу,

Меня прогонит от порога.

И вновь вернусь я в отчий дом, Чужою радостью утешусь,

В зеленый вечер под окном

На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня

Нежнее головы наклонят.

И необмытого меня

Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть, Роняя весла по озерам...

И Русь все так же будет жить, Плясать и плакать у забора.

<1916>

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеды и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже, Нежная, красивая, была

На закат ты розовый похожа

И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли, Имя тонкое растаяло, как звук, Но остался в складках смятой шали

Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше, Как котенок, моет лапкой рот, Говор кроткий о тебе я слышу

Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер, Что была ты песня и мечта, Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан

и плечи —

К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеды и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

<1916>

«Опять раскинулся узорно...»

Опять раскинулся узорно

Над белым полем багрянец, И заливается задорно

Нижегородский бубенец.

Под затуманенную дымкой

Ты кажешь девичью красу,

И треплет ветер под косыночкой

Рыжеволосую косу.

Дуга, раскальваясьсь, пляшет, То выныряя, то пропав,

Не заворожит, не обмашет

Твой разукращенный рукав.

Уже давно мне стала сниться

Полей малиновая ширь,

Тебе – высокая светлица,

А мне – далекий монастырь.

Там синь и полымя воздушней

И легкодымней пелена.

Я буду ласковый послушник, А ты – разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем

Грустить в упругой тишине: Я по тебе – в глухом тумане, А ты заплачешь обо мне.

Но и познав, я не приемлю

Ни тихих ласк, ни глубины.

Глаза, увидевшие землю,

В иную землю влюблены.

1916

«Весна на радость не похожа...»

Весна на радость не похожа, И не от солнца желт песок.

Твоя обветренная кожа

Лучила гречневый пушок.

У голубого водопоя

На шишкоперой лебеде

Мы поклялись, что будем двое

И не расстанемся нигде.

Кадила темь, и вечер тощий

Свивался в огненной резьбе, Я проводил тебя до рощи,

К твоей родительской избе.

И долго-долго в дреме зыбкой

Я оторвать не мог лица,

Когда ты с ласковой улыбкой

Махал мне шапкою с крыльца.

1916

«Вот оно, глупое счастье...»

Вот оно, глупое счастье

С белыми окнами в сад!

По пруду лебедем красным

Плавает тихий закат.

Здравствуй, златое затишье, С тенью березы в воде!

Галочья стая на крыше

Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,

Там, где калина цветет,

Нежная девушка в белом

Нежную песню поет.

Стелется синею рясой

С поля ночной холодок...

Глупое, милое счастье,

Свежая розовость щек!

1918

Исповедь хулигана

Не каждый умеет петь,

Не каждому дано яблоком

Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь, Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесаным,

С головой, как керосиновая лампа, на плечах.

Ваших душ безлиственную осень

Мне нравится в потемках освещать.

Мне нравится, когда каменья брани

Летят в меня, как град рыгающей грозы, Я только крепче жму тогда руками

Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать

Заросший пруд и хриплый звон ольхи, Что где-то у меня живут отец и мать, Которым наплевать на все мои стихи, Которым дорог я, как поле и как плоть, Как дождик, что весной взрыхляет зеленыя.

Они бы вилами пришли вас заколоть

За каждый крик ваш, брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!

Вы, наверно, стали некрасивыми, Так же боитесь Бога и болотных недр.

О, если б вы понимали,

Что сын ваш в России

Самый лучший поэт!

Вы ль за жизнь его сердцем не индевели, Когда босые ноги он в лужах осенних

макал?

А теперь он ходит в цилиндре

И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней вправки

Деревенского озорника.

Каждой корове с вывески мясной лавки

Он кланяется издалека.

И, встречаясь с извозчиками на площади, Вспоминая запах навоза с родных полей, Он готов нести хвост каждой лошади, Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.

Я очень люблю родину!

Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.

Приятны мне свиной испачканные морды

И в тишине ночной звенящий голос жаб.

Я нежно болел вспоминаньем детства, Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.

Как будто бы на корточки погреться

Присел наш клен перед костром зари.

О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих, Карабкаясь по сучьям, воровал!

Все тот же ль он теперь, с верхушкою

зеленой?

По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,

Верный пегий пес?!

От старости ты стал визглив и слеп

И бродишь по двору, влача обвисший

хвост,

Забыв чутьем, где двери и где хлев.

О, как мне дороги все те проказы, Когда, у матери стянув краюху хлеба, Кусали мы с тобой ее по разу, Ни капельки друг другом не погребав.

Я все такой же.

Сердцем я все такой же.

Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.

Стеля стихов злаченные рогожи, Мне хочется вам нежное сказать.

Спокойной ночи!

Всем вам спокойной ночи!

Отзвенела по траве сумерек зари коса...

Мне сегодня хочется очень

Из окошка луну обоссать.

Синий свет, свет такой синий!

В эту синь даже умереть не жаль.

Ну так что ж, что кажусь я циником, Прицепившим к заднице фонарь!

Старый, добрый, заезженный Пегас, Мне ль нужна твоя мягкая рысь?

Я пришел, как суровый мастер, Воспеть и прославить крыс.

Башка моя, словно август, Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом

В ту страну, куда мы плывем.

Ноябрь 1920

«Я обманывать себя не стану...»

Я обманывать себя не стану, Залегла забота в сердце мглистом.

Отчего прослыл я шарлатаном?

Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом, Не расстреливал несчастных по темницам.

Я всего лишь уличный повеса, Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.

По всему тверскому околотку

В переулках каждая собака

Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь

Головой кивает мне навстречу.

Для зверей приятель я хороший, Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин.

В глупой страсти сердце жить не в силе.

В нем удобней, грусть свою уменьшив, Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею.

Я иному покорился царству.

Каждому здесь кобелю на шею

Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.

Прояснилась омут в сердце мгlistом.

Оттого прослыл я шарлатаном, Оттого прослыл я скандалистом.

1922

«Да! Теперь решено. Без возврата...»

Да! Теперь решено. Без возврата

Я покинул родные поля.

Уж не будут листвою крылатой

Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссугулится, Старый пес мой давно издох.

На московских изогнутых улицах

Умереть, знать, судил мне Бог.

Я люблю этот город вязевый, Пусть обрюзг он и пусть одрях.

Золотая дремотная Азия

Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц, Когда светит... черт знает как!

Я иду, головою свесясь,

Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком, Но всю ночь напролет, до зари, Я читаю стихи проституткам

И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще, И уж я говорю невпопад:

«Я такой же, как вы, пропащий, Мне теперь не уйти назад».

Низкий дом без меня ссугулится, Старый пес мой давно издох.

На московских изогнутых улицах

Умереть, знать, судил мне Бог.

1922

«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»

Снова пьют здесь, дерутся и плачут

Под гармоники желтую грусть.

Проклинают свои неудачи,

Вспоминают московскую Русь.

И я сам, опустясь головою, Заливаю глаза вином,

Чтоб не видеть в лицо роковое, Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми навек утрачено.

Май мой синий! Июнь голубой!

Не с того ль так чадит мертвячиной

Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам, Самогонного спирта – река.

Гармонист с провалившимся носом

Им про Волгу поет и про Чека.

Что-то злое во взорах безумных, Непокорное в громких речах.

Жалко им тех дурашливых, юных, Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Жалко им, что октябрь суровый

Обманул их в своей пурге.

И уж удалью точится новой

Крепко спрятанный нож в сапоге.

Где ж вы те, что ушли далече?

Ярко ль светят вам наши лучи?

Гармонист спиртом сифилис лечит, Что в киргизских степях получил.

Нет! таких не подмять, не рассеять!

Бесшабашность им гнилью дана.

Ты, Рассея моя... Рас... сея...

Азиатская сторона!

1922

«Сыпь, гармоника! Скука... Скука...»

Сыпь, гармоника! Скука... Скука...

Гармонист пальцы льет волной.

Пей со мною, паршивая сука, Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали, Невтерпеж!

Что ж ты смотришь так синими брызгами?

Иль в морду хошь?

В огород бы тебя, на чучело, Пугать ворон.

До печенок меня замучила

Со всех сторон.

Сыпь, гармоника! Сыпь, моя частая!

Пей, выдра! Пей!

Мне бы лучше вон ту, сисястую, —Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую, Немало вас,

Но с такой вот, как ты, со стервою

Лишь в первый раз.

Чем больнее, тем звонче,

То здесь, то там.

Я с собой не покончу,

Иди к чертям.

К вашей своре собачьей

Пора простыть.

Дорогая... я плачу,

Прости... прости...

<1922>

«Пой же, пой. На проклятой гитаре...»

Пой же, пой. На проклятой гитаре

Пальцы пляшут твои в полукруг.

Захлебнуться бы в этом угаре, Мой последний, единственный друг.

Не гляди на ее запыстья

И с плечей ее льющийся шелк.

Я искал в этой женщине счастья, А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь – зараза, Я не знал, что любовь – чума.

Подошла и прищуренным глазом

Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Навевай мне снова

Нашу прежнюю буйную рань.

Пусть целует она другова, Молодая красивая дрянь.

Ах, постой. Я ее не ругаю.

Ах, постой. Я ее не кляню.

Дай тебе про себя я сыграю

Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый купол.

В сердце снов золотых сума.

Много девушек я перещупал, Много женщин в углах прижимал.

Да! есть горькая правда земли, Подсмотрел я ребяческим оком: Лижут в очередь кобели

Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать.

Так чего ж мне болеть такому.

Наша жизнь – простыня да кровать.

Наша жизнь – поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе

Этих рук роковая беда.

Только знаешь, пошли их на хер...

Не умру я, мой друг, никогда.

<1922>

«Мне осталась одна забава...»

Мне осталась одна забава: Пальцы в рот и веселый свист.

Прокатилась дурная слава, Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!

Много в жизни смешных потерь.

Стыдно мне, что я в Бога верил.

Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далекие дали!

Все сжигает житейская мреть.

И похабничал я и скандалил

Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта – ласкать и карябать, Роковая на нем печать.

Розу белую с черною жабой

Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись

Эти помыслы розовых дней.

Но коль черти в душе гнездились —Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,

Отправляясь с ней в край иной, Я хочу при последней минуте

Попросить тех, кто будет со мной, —Чтоб за все за грехи мои тяжкие, За неверие в благодать

Положили меня в русской рубашке

Под иконами умирать.

1923

«Я усталым таким еще не был...»

Я усталым таким еще не был.

В эту серую морозь и слизь

Мне приснилось рязанское небо

И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило, Да и сам я любил не одну, Не от этого ль темная сила

Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи

И в разгуле тоска не впервые!

Не с того ли глаза мне точит, Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена, И не радуется легкость побед, —Тех волос золотое сено

Превращается в серый цвет.

Превращаются в пепел и воды, Когда цедит осенняя муть.

Мне не жаль вас, прошедшие годы, —Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить без цели, И с улыбкою странной лица

Полюбил я носить в легком теле

Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжело

Ковылять из притона в притон, Как в смирительную рубашку, Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам, Умиряется бешеный пыл.

Но и все ж отношусь я с поклоном

К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом, Где резвился на желтой траве, —Шлю привет воробьям, и воронам, И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали: «Птицы милые, в синюю дрожь

Передайте, что я отскандалил, —Пусть хоть ветер теперь начинает

Под микитки дубасить рожь».

<1923>

«Заметался пожар голубой...»

Заметался пожар голубой,

Позабылись родимые дали.

В первый раз я запел про любовь, В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь – как запущенный сад, Был на женщин и зелье падкий.

Разонравилось пить и плясать

И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя, Видеть глаз златокарий омут, И чтоб, прошлое не любя,

Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан, Если б знала ты сердцем упорным, Как умеет любить хулиган, Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки

И стихи бы писать забросил, Только б тонко касаться руки

И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой

Хоть в свои, хоть в чужие дали...

В первый раз я запел про любовь, В первый раз отрекаюсь скандалить.

1923

«Ты такая ж простая, как все...»

Ты такая ж простая, как все, Как сто тысяч других в России.

Знаешь ты одинокий рассвет, Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип, Я по-глупому мысли занял.

Твой иконный и строгий лик

По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,

Чтил я грубость и крик в повесе, А теперь вдруг растут слова

Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит, Слишком многое телу надо.

Что ж так имя твое звенит, Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал

И умею расслышать за пылом: С детства нравиться я понимал

Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег

Для тебя, для нее и для этой.

Невеселого счастья залог —Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,

Словно в листья, в глаза косые...

Ты такая ж простая, как все, Как сто тысяч других в России.

1923

«Пускай ты выпита другим...»

Пускай ты выпита другим,

Но мне осталось, мне осталось

Твоих волос стеклянный дым

И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне

Дороже юности и лета.

Ты стала нравиться вдвойне

Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу, И потому на голос чванства

Бестрепетно сказать могу, Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной

И непокорною отвагой.

Уж сердце наполнилось иной,

Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал

Сентябрь багряной веткой ивы, Чтоб я готов был и встречал

Его приход неприветливый.

Теперь со многим я мирюсь

Без принужденья, без утраты.

Иною кажется мне Русь,

Иными – кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг

И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль, Что ты одна, сестра и друг, Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,

Воспитываясь в постоянстве, Пропеть о сумерках дорог

И уходящем хулиганстве.

1923

«Дорогая, сядем рядом...»

Дорогая, сядем рядом,

Поглядим в глаза друг другу.

Я хочу под кротким взглядом

Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,

Эта прядь волос белесых —Все явилось, как спасенье

Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил, Где цветут луга и чащи.

В городской и горькой славе

Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше

Вспоминало сад и лето,

Где под музыку лягушек

Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...

Клен и липы в окна комнат

Ветки лапами забросив,

Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.

Месяц на простом погосте

На крестах лучами метит,

Что и мы придем к ним в гости, Что и мы, отжив тревоги,

Перейдем под эти кущи.

Все волнистые дороги

Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,

Поглядим в глаза друг другу.

Я хочу под кротким взглядом

Слушать чувственную вьюгу.

9 октября 1923

«Мне грустно на тебя смотреть...»

Мне грустно на тебя смотреть, Какая боль, какая жалость!

Знать, только ивовая медь

Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли

Твое тепло и трепет тела.

Как будто дождик моросит

С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.

Иная радость мне открылась.

Ведь не осталось ничего,

Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег

Для тихой жизни, для улыбок.

Так мало пройдено дорог,

Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.

Так было и так будет после.

Как кладбище, усеян сад

В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы

И отшумим, как гости сада...

Коль нет цветов среди зимы, Так и грустить о них не надо.

1923

«Ты прохладой меня не мучай...»

Ты прохладой меня не мучай

И не спрашивай, сколько мне лет, Одержимый тяжелой падучей, Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда из предместья

Я мечтал по-мальчишески – в дым, Что я буду богат и известен

И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком.

Был цилиндр, а теперь его нет.

Лишь осталась одна манишка

С модной парой избитых штиблет.

И известность моя не хуже, От Москвы по парижскую рвань

Мое имя наводит ужас,

Как заборная, громкая брань.

И любовь, не забавное ль дело?

Ты целуешь, а губы, как жесьть.

Знаю, чувство мое перезрело, А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано, Ну, а если есть грусть – не беда!

Золотей твоих кос по курганам

Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность, Чтоб под шум молодой лебеды

Утонуть навсегда в неизвестность

И мечтать по-мальчишески – в дым.

Но мечтать о другом, о новом, Непонятном земле и траве, Что не выразить сердцу словом

И не знает назвать человек.

1923

«Вечер черные брови насопил...»

Вечер черные брови насопил.

Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил?

Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!

Наша жизнь пронеслась без следа.

Может, завтра больничная койка

Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому

Я уйду, исцеленный навек, Слушать песни дождей и черемух, Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,

Что терзали меня, губя.

Облик ласковый! Облик милый!

Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую, Но и с нею, с любимой, с другой, Расскажу про тебя, дорогую, Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая

Наша жизнь, что былой не была...

Голова ль ты моя удалая,

До чего ж ты меня довела?

1923

Сукин сын

Снова выплыли годы из мрака

И шумят, как ромашковый луг.

Мне припомнилась нынче собака, Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела, Как подгнивший под окнами клен, Но припомнил я девушку в белом, Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий, Но она мне как песня была, Потому что мои записки

Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала, И мой почерк ей был незнаком, Но о чем-то подолгу мечтала

У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...

Не дождался... уехал... И вот

Через годы... известным поэтом

Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,

Но в ту ж масть, что с отливом в синь, С лаем ливисто ошалелым

Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!

Снова выплыла боль души.

С этой болью я будто моложе, И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую, Но не лай ты! Не лай! Не лай!

Хочешь, пес, я тебя поцелую

За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом

И, как друга, введу тебя в дом...

Да, мне нравилась девушка в белом, Но теперь я люблю в голубом.

31 июля 1924

Письмо к женщине

Вы помните,

Вы всё, конечно, помните, Как я стоял,

Приблизившись к стене,

Взволнованно ходили вы по комнате

И что-то резкое

В лицо бросали мне.

Вы говорили:

Нам пора расстаться,

Что вас измучила

Моя шальная жизнь,

Что вам пора за дело приниматься, А мой удел — Катиться дальше, вниз.

Любимая!

Меня вы не любили.

Не знали вы, что в сонмище людском

Я был, как лошадь, загнанная в мыле, Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,

Что я в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь, что не пойму — Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу

Лица не увидеть.

Большое видится на расстоянье.

Когда кипит морская гладь, Корабль в плачевном состоянье.

Земля – корабль!

Но кто-то вдруг

За новой жизнью, новой славой

В прямую гуцу бурь и вьюг

Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой

Не падал, не блевал и не ругался?

Их мало, с опытной душой, Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,

Под дикий шум,

Но зрело знающий работу,

Спустился в корабельный трюм, Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —

Русским кабаком.

И я склонился над стаканом, Чтоб, не страдая ни о ком, Себя сгубить

В угаре пьяном.

Любимая!

Я мучил вас,

У вас была тоска

В глазах усталых:

Что я пред вами напоказ

Себя растрчивал в скандалах.

Но вы не знали,

Что в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь,

Что не пойму,

Куда несет нас рок событий...

... ..

Теперь года прошли.

Я в возрасте ином.

И чувствую и мыслю по-иному.

И говорю за праздничным вином: Хвала и слава рулевому!

Сегодня я

В ударе нежных чувств.

Я вспомнил вашу грустную усталость.

И вот теперь

Я сообщить вам мчусь,

Каков я был

И что со мною случилось!

Любимая!

Сказать приятно мне:

Я избежал паденья с кручи.

Теперь в Советской стороне

Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,

Кем был тогда.

Не мучил бы я вас,

Как это было раньше.

За знамя вольности

И светлого труда

Готов идти хоть до Ла-Манша.

Простите мне...

Я знаю: вы не та —

Живете вы

С серьезным, умным мужем; Что не нужна вам наша маета, И сам я вам

Ни капельки не нужен.

Живите так,

Как вас ведет звезда,

Под кущей обновленной сени.

С приветствием,

Вас помнящий всегда

Знакомый ваш

С е р г е й Е с е н и н.

<1924>

«Годы молодые с забубенной славой...»

Годы молодые с забубенной славой, Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли, Были синие глаза, да теперь поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно

и обидно.

В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

Руки вытяну – и вот слушаю на ощупь: Едем... кони... сани... снег... проезжаем роцу.

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рожден

не слабым!

Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По такой метели

Очень страшно, чтоб в пути лошади

вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки

нам!»

Взял я кнут и ну стегать по лошажьим

спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят

в хлопья.

Вдруг толчок... и из саней прямо

на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт – вместо

бойкой тройки...

Забинтованный лежу на больничной койке.

И вместо лошадей по дороге тряской

Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.

Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты, златоглавый, Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем: твой конец близок ли, далек ли, —Синие твои глаза в кабаках промокли».

[1924]

«Улеглась моя бывшая рана...»

Улеглась моя бывшая рана —Пьяный бред не гложет сердце мне.

Синими цветами Тегерана

Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами, Чтобы славилась пред русским чайхана, Угощает меня красным чаем

Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.

Много роз цветет в твоём саду.

Незадаром мне мигнули очи, Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних

На цепи не держим, как собак, Поцелуям учимся без денег, Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенья стана, Что лицом похожа на зарю, Подарю я шаль из Хороссана

И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю, Я тебе вовеки не солгу.

За себя я нынче отвечаю,

За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень, Все равно калитка есть в саду...

Незадаром мне мигнули очи, Приоткинув черную чадру.

1924

«Я спросил сегодня у менялы...»

Я спросил сегодня у менялы, Что дает за полтумана по рублю, Как сказать мне для прекрасной Лалы

По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы

Легче ветра, тише Ванских струй, Как назвать мне для прекрасной Лалы

Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы, В сердце робость глубже притая, Как сказать мне для прекрасной Лалы, Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко: О любви в словах не говорят, О любви вздыхают лишь украдкой, Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет, Поцелуй не надпись на гробах.

Красной розой поцелуи веют, Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки, С нею знают радость и беду.

«Ты – моя» сказать лишь могут руки, Что срывали черную чадру.

1924

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли, Я готов рассказать тебе поле, Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли, Что луна там огромней в сто раз, Как бы ни был красив Шираз, Он не лучше рязанских раздолий.

Потому, что я с севера, что ли?

Я готов рассказать тебе поле, Эти волосы взял я у ржи,

Если хочешь, на палец вяжи —Я нисколько не чувствую боли.

Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне

По кудрям ты моим догадайся.

Дорогая, шути, улыбайся,

Не буди только память во мне

Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Там, на севере, девушка тоже, На тебя она страшно похожа, Может, думает обо мне...

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

«Ты сказала, что Саади...»

Ты сказала, что Саади

Целовал лишь только в грудь.

Подожди ты, бога ради,

Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Евфратом

Розы лучше смертных дев».

Если был бы я богатым,

То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,

Ведь одна отрада мне —

Чтобы не было на свете

Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,

У меня заветов нет.

Коль родился я поэтом,

То целуюсь, как поэт.

19 декабря 1924

«Никогда я не был на Босфоре...»

Никогда я не был на Босфоре, Ты меня не спрашивай о нем.

Я в твоих глазах увидел море, Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном, Не возил я шелк туда и хну.

Наклонись своим красивым станом, На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я, Для тебя навеки дела нет, Что в далеком имени – Россия —Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка, При луне собачий слышу лай.

Разве ты не хочешь, персиянка, Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —Ты меня, незримая, звала.

И меня твои лебяжьи руки

Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя, И хоть прошлой жизни не кляню, Расскажи мне что-нибудь такое

Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки, Напои дыханьем свежих чар, Чтобы я о дальней северянке

Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —Я тебе придумаю о нем.

Все равно – глаза твои, как море, Голубым колышутся огнем.

21 декабря 1924

«Свет вечерний шафранного края...»

Свет вечерний шафранного края, Тихо розы бегут по полям.

Спой мне песню, моя дорогая, Ту, которую пел Хаям.

Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен, Кружит звезд мотыльковый рой.

Мне не нравится, что персияне

Держат женщин и дев под чадрой.

Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли, Закрывая телесную медь?

Или, чтобы их больше любили, Не желают лицом загореть, Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись, Заучи эту заповедь вкратце, Ведь и так коротка наша жизнь, Мало счастьем дано любоваться.

Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке

Осняет своя благодать.

Потому и прекрасные щеки

Перед миром грешно закрывать, Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.

Сердцу снится страна другая.

Я спою тебе сам, дорогая, То, что сроду не пел Хаям...

Тихо розы бегут по полям.

1924

«В Хороссане есть такие двери...»

В Хороссане есть такие двери, Где обсыпан розами порог.

Там живет задумчивая пери.

В Хороссане есть такие двери, Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы, В волосах есть золото и медь.

Голос пери нежный и красивый.

У меня в руках довольно силы, Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.

И зачем? Кому мне песни петь? —Если стала неровной Шага, Коль дверей не смог я отпереть, Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.

Персия! Тебя ли покидаю?

Навсегда ль с тобою расстанусь

Из любви к родимому мне краю?

Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья, Пусть не смог я двери отпереть, Ты дала красивое страданье, Про тебя на родине мне петь.

До свиданья, пери, до свиданья.

Март 1925

«Руки милой – пара лебедей...»

Руки милой – пара лебедей —В золоте волос моих ныряют.

Все на этом свете из людей

Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко

И теперь пою про то же снова, Потому и дышит глубоко

Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна, Сердце станет глыбой золотою, Только тегеранская луна

Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить: Догореть ли в ласках милой Шаги

Иль под старость трепетно тужить

О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть: Что приятно уху, что – для глаза.

Если перс слагает плохо песнь, Значит, он вовек не из Шираза.

Про меня же и за эти песни

Говорите так среди людей: Он бы пел нежнее и чудесней, Да сгубила пара лебедей.

<Август 1925>

«Глупое сердце, не бойся!..»

Глупое сердце, не бойся!

Все мы обмануты счастьем, Нищий лишь просит участия...

Глупое сердце, не бойся.

Месяца желтые чары

Льют по каштанам в пролесь.

Лале склоняясь на шальвары, Я под чадрую укроюсь.

Глупое сердце, не бойся.

Все мы порою, как дети,

Часто смеемся и плачем:

Выпали нам на свете

Радости и неудачи.

Глупое сердце, не бойся.

Многие видел я страны,

Счастья искал повсюду,

Только удел желанный

Больше искать не буду.

Глупое сердце, не бойся.

Жизнь не совсем обманула.

Новой нальемся силой.

Сердце, ты хоть бы заснуло

Здесь, на коленях у милой.

Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит

Рок, что течет лавиной,

И на любовь ответит

Песнею соловьиной.

Глупое сердце, не бойся.

Август 1925

«Вижу сон. Дорога черная...»

Вижу сон. Дорога черная.

Белый конь. Стопа упорная.

И на этом на коне

Едет милая ко мне.

Едет, едет милая,

Только нелюбимая.

Эх, береза русская!

Путь-дорога узкая.

Эту милую, как сон,

Лишь для той, в кого влюблен, Удержи ты ветками,

Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.

Хорошо копытит конь.

Свет такой таинственный,

Словно для единственной —Той, в которой тот же свет

И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.

От стихов дурак и пьян.

Но и всё ж за эту прыть,

Чтобы сердцем не остыть,

За березовую Русь

С нелюбимой помирюсь.

2 июля 1925

«Видно, так заведено навеки...»

Видно, так заведено навеки —К тридцати годам перебежась, Все сильней, прожженные калеки, С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать, И земля милей мне с каждым днем.

Оттого и сердцу стало сниться, Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая, И недаром в липовую цветь

Вынул я кольцо у попугая —Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.

Сняв с руки, я дал его тебе, И теперь, когда грустит шарманка, Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут, И на сердце изморозь и мгла: Может быть, кому-нибудь другому

Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета, Он тебя спрашивает сам, Как смешного, глупого поэта

Привела ты к чувственным стихам.

Ну и что ж! Пройдет и эта рана.

Только горько видеть жизни край.

В первый раз такого хулигана

Обманул проклятый попугай.

14 июля 1925

«Листья падают, листья падают...»

Листья падают, листья падают.

Стонет ветер,

Протяжен и глух.

Кто же сердце порадует?

Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками

Я смотрю и смотрю на луну.

Вот опять петухи кукарекнули

В обосененную тишину.

Предрассветное. Синее. Раннее.

И летающих звезд благодать.

Загадать бы какое желание, Да не знаю, чего пожелать.

Что желать под житейскою ношею, Проклиная удел свой и дом?

Я хотел бы теперь хорошую

Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она васильковыми

Только мне —

Не кому-нибудь —

И словами и чувствами новыми

Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под эту белую лунностью, Принимая счастливый удел, Я над песней не таял, не млея

И с чужою веселою юностью

О своей никогда не жалел.

Август 1925

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»

Над окошком месяц. Под окошком ветер.

Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.

Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку

Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.

Под чужую песню и смеюсь и плачу.

Август 1925

«Сыпь, тальянка, звонко...»

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!

Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?

Не шуми, осина, не пыли, дорога.

Пусть несется песня к милой до порога.

Пусть она услышит, пусть она поплачет.

Ей чужая юность ничего не значит.

Ну, а если значит – проживет не мучась.

Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, песня, звяньше.

Все равно не будет то, что было раньше.

За былую силу, гордость и осанку

Только и осталась песня под тальянку.

8 сентября 1925

«Я красивых таких не видел...»

Сестре Шуре

Я красивых таких не видел, Только, знаешь, в душе затаю

Не в плохой, а в хорошей обиде —Повторяешь ты юность мою.

Ты – мое васильковое слово, Я навеки люблю тебя.

Как живет теперь наша корова, Грусть соломенную теребя?

Запоешь ты, а мне любимо, Исцеляй меня детским сном.

Отгорела ли наша рябина,

Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?

Я навеки покинул село,

Только знаю – багряной метелью

Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе

Вместо ласки и вместо слез

У ворот, как о сгибшей невесте, Тихо воеет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо, Потому и достался не в срок, Как любовь, как печаль и отрада, Твой красивый рязанский платок.

13 сентября 1925

«Я помню, любимая, помню...»

Я помню, любимая, помню

Сиянье твоих волос.

Не радостно и не легко мне

Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,

Березовый шорох теней...

Пусть дни тогда были короче, Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила: «Пройдут голубые года,

И ты позабудешь, мой милый, С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа

Напомнила чувствам опять, Как нежно тогда я сыпал

Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь

И грустно другую любя,

Как будто любимую повесть

С другой вспоминает тебя.

<1925>

«Ну, целуй меня, целуй...»

Ну, целуй меня, целуй,

Хоть до крови, хоть до боли.

Не в ладу с холодной волей

Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка

Средь веселых не для нас.

Понимай, моя подружка,

На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором, Посмотри: во мгле сырой

Месяц, словно желтый ворон, Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.

Песню тлен пропел и мне.

Видно, смерть мою почуял

Тот, кто вьется в вышине.

Увядающая сила!

Умирать так умирать!

До кончины губы милой

Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих дрёмах, Не стыдась и не тая,

В нежном шелесте черемух

Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной кружкой

Легкой пеной не погас —

Пей и пой, моя подружка:

На земле живут лишь раз!

1925

«Голубая кофта. Синие глаза...»

Голубая кофта. Синие глаза.

Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?»

Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты

Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель, У меня на сердце без тебя метель».

3 октября 1925

«Плачет метель, как цыганская скрипка...»

Плачет метель, как цыганская скрипка.

Милая девушка, злая улыбка, Я ль не робею от синего взгляда?

Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи —Ты молодая, а я все прожил.

Юношам счастье, а мне лишь память

Снежную ночью в лихую замять.

Я не заласкан – буря мне скрипка.

Сердце метелит твоя улыбка.

4—5 октября 1925

«Вечером синим, вечером лунным...»

Вечером синим, вечером лунным

Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо

Все пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...

Синее счастье! Лунные ночи!

4—5 октября 1925

«Цветы мне говорят – прощай...»

Цветы мне говорят – прощай, Головками склоняясь ниже, Что я навеки не увижу

Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну что ж! Ну что ж!

Я видел их и видел землю, И эту гробовую дрожь

Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг

Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, —Я говорю на каждый миг,

Что все на свете повторимо.

Не все ль равно – придет другой, Печаль ушедшего не сгложет, Оставленной и дорогой

Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине, Любимая с другим любимым, Быть может, вспомнит обо мне

Как о цветке неповторимом.

25 октября 1925

«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, Перстень счастья ищущий во мгле, Эту жизнь живу я словно кстати, Заодно с другими на земле.

И с тобой целуюсь по привычке, Потому что многих целовал, И, как будто зажигая спички, Говорю любовные слова.

«Дорогая», «милая», «навек», А в уме всегда одно и то ж, Если тронуть страсти в человеке, То, конечно, правды не найдешь.

Оттого душе моей не жестко

Ни желать, ни требовать огня, Ты, моя ходячая березка,

Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную

И томясь в неласковом плену, Я тебя нисколько не ревную, Я тебя нисколько не кляню.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, Синь очей утративший во мгле, И тебя любил я только кстати, Заодно с другими на земле.

<1925>

«Какая ночь! Я не могу...»

Какая ночь! Я не могу.

Не спится мне. Такая лунность.

Еще как будто берегу

В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,

Не называй игру любовью,

Пусть лучше этот лунный свет

Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты

Он обрисовывает смело, —

Ведь разлюбить не сможешь ты, Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.

Вот оттого ты мне чужая,

Что липы тщетно манят нас, В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,

Что в этот отсвет лунный, синий

На этих липах не цветы —

На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,

Ты не меня, а я — другую, И нам обоим все равно

Играть в любовь недорогую.

Но все ж ласкай и обнимай

В лукавой страсти поцелуя, Пусть сердцу вечно снится май

И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

«Ты меня не любишь, не жалеешь...»

Ты меня не любишь, не жалеешь, Разве я немного не красив?

Не смотря в лицо, от страсти млеешь, Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом, Я с тобой не нежен и не груб.

Расскажи мне, скольких ты ласкала?

Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени, Не коснувшись твоего огня, Многим ты садилась на колени, А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи

И ты думаешь о ком-нибудь другом, Я ведь сам люблю тебя не очень, Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою, Легкодумна вспыльчивая связь, —Как случайно встретился с тобою, Улыбнись, спокойно разойдись.

Да и ты пойдешь своей дорогой

Распылять безрадостные дни, Только нецелованных не трогай, Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку

Ты пройдешь, болтая про любовь, Может быть, я выйду на прогулку, И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи

И немного наклонившись вниз, Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер...»

Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит, И ничто ее не бросит в дрожь, —Кто любил, уж тот любить не может, Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

«Может, поздно, может, слишком рано...»

Может, поздно, может, слишком рано, И о чем не думал много лет, Походить я стал на Дон Жуана, Как заправский ветренный поэт.

Что случилось? Что со мною случилось?

Каждый день я у других колен.

Каждый день к себе теряю жалость, Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше

Билось в чувствах нежных и простых, Что ж ищу в очах я этих женщин — Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье, Я всегда отмечен был тобой.

На душе холодное кипенье

И сирени шелест голубой.

На душе – лимонный свет заката, И все то же слышно сквозь туман, — За свободу в чувствах есть расплата, Принимай же вызов, Дон Жуан!

И, спокойно вызов принимая, Вижу я, что мне одно и то ж — Чтить метель за синий цветень мая, Звать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною стало, И с того у многих я колен, Чтобы вечно счастье улыбалось, Не смиряясь с горечью измен.

13 декабря 1925

Стихотворения, не включенные С. А. Есениным в основное собрание

Отойди от окна

Не ходи ты ко мне под окно

И зеленой травы не топчи, Я тебя разлюбила давно,

Но не плачь, а спокойно молчи.

Я жалею тебя всей душою,

Что тебе до моей красоты?

Почему не даешь мне покою

И зачем так терзаешься ты?

Все равно я не буду твоею, Я теперь не люблю никого, Не люблю, но тебя я жалею, Отойди от окна моего!

Позабудь, что была я твоею, Что безумно любила тебя,

Я теперь не люблю, а жалею — Отойди и не мучай себя!

<1911–1912>

«Ты плакала в вечерней тишине...»

Ты плакала в вечерней тишине, И слезы горькие на землю упали, И было тяжело и так печально мне, И все же мы друг друга не поняли.

Умчалась ты в далекие края, И все мечты мои увянули без цвета, И вновь опять один остался я

Страдать душой без ласки и привета.

И часто я вечернею порой

Хожу к местам заветного свиданья, И вижу я в мечтах мне милый образ твой, И слышу в тишине тоскливые рыдания.

<1912–1913>

«Ты ушла и ко мне не вернешься...»

Ты ушла и ко мне не вернешься, Позабыла ты мой уголок,

И теперь ты другому смеешься, Укрываясь в белый платок.

Мне тоскливо, и скучно, и жалко, Неуютно камин мой горит,

Но измятая в книжке фиалка

Все о счастье былом говорит.

<1914–1915>

Удалец

Ой, мне дома не сидится,

Размахнуться б на войне.

Полечу я быстрой птицей

На саврасом скакуне.

Не ревите, мать и тетка,

Слезы сушат удалца.

Подарила мне красotka

Два серебряных кольца.

Эх, достану я ей пикой

Душегрейку на меху,

Пусть от радости великой

Ходит ночью к жениху.

Ты гори, моя зарница,

Не страшён мне вражий стан.

Зацелует баловница,

Как куплю ей сарафан.

Отчего вам хныкать, бабы, Домекнуться не могу.

Али руки эти слабы,

Что пешню согнут в дугу.

Буду весел я до гроба,

Удалая голова.

Провожай меня, зазноба,

Да держи свои слова.

<1915>

Девичник

Я надену красное монисто, Сарафан запетлю синей рюшкой.

Позовите, девки, гармониста, Попрощайтесь с ласковой подружкой.

Мой жених, угрюмый и ревнивый, Не велит заглядывать на парней.

Буду петь я птахой сиротливой, Вы ж пляшите дробней и угарней.

Как печальны девичьи потери, Грустно жить оплаканной невесте.

Уведет жених меня за двери, Будет спрашивать о девической чести.

Ах, подружки, стыдно и неловко: Сердце робкое охватывает стужа.

Тяжело беседовать с золовкой, Лучше жить несчастной, да без мужа.

<1915>

«На лазоревые ткани...»

На лазоревые ткани

Пролил пальцы багрянец.

В темной роще, по поляне, Плачет смехом бубенец.

Затуманились лощины,

Серебром покрылся мох.

Через прясла и овины

Кажет месяц белый рог.

По дороге лихо, бойко,

Развевая пенный пот,

Скачет бешеная тройка

На поселок в хоровод.

Смотрят девушки лукаво

На красавца сквозь плетень.

Парень бравый, кучерявый

Ломит шапку набекрень.

Ярче розовой рубахи

Зори вешние горят.

Позолоченные бляхи

С бубенцами говорят.

<1915>

Русалка под Новый год

Ты не любишь меня, милый голубь, Не со мной ты воркуешь, с другою, Ах, пойду я к реке под горою, Кинусь с берега в черную прорубь.

Не отыщет никто мои кости, Я русалкой вернуся весною.

Приведешь ты коня к водопою, И коня напою я из горсти.

Запою я тебе втихомолку,

Как живу я царевной, тоскую, Заману я тебя, заколдую,

Уведу коня в струи за холку!

Ой, как терем стоит под водою — Там играют русалочки в жмурки,—Изо льда он, а окна-конурки

В сизых рамах горят под слюдою.

На постель я травы натаскаю, Положу я тебя с собой рядом.

Буду тешить тебя своим взглядом, Зацелую тебя, заласкаю!

<1915>

«Белая свитка и алый кушак...»

Белая свитка и алый кушак, Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Громко звенит за селом хоровод, Там она, там она песни поет.

Помню, как крикнула, шигая в сруб: «Что же, красив ты, да сердцу не люб.

Кольца кудрей твоих ветрами жжет, Гребень мой вострый другой бережет».

Знаю, чем чужд ей и чем я не мил: Меньше плясал я и меньше всех пил.

Кротко я с грустью стоял у стены, Все они пели и были пьяны.

Счастье его, что в нем меньше стыда, В шею ей лезла его борода.

Свившись с ним в жгучее пляски кольцо, Брызнула смехом она мне в лицо.

Белая свитка и алый кушак, Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Маком влюбленное сердце цветет, Только не мне она песни поет.

<1915>

Королева

Пряный вечер. Гаснут зори.

По траве ползет туман.

У плетня на косогоре

Забелел твой сарафан.

В чарах звездного напева

Обомлели тополя.

Знаю, ждешь ты, королева, Молодого короля.

Коромыслом серп двурогий

Плавно по небу скользит.

Там, за рощей, по дороге

Раздается звон копыт.

Скачет всадник загорелый, Крепко держит повода.

Увезет тебя он смело

В чужедальни города.

Пряный вечер. Гаснут зори.

Слышен четкий храп коня.

Ах, постой на косогоре

Королевой у плетня.

<1918>

«Цветы на подоконнике...»

Цветы на подоконнике,

Цветы, цветы.

Играют на гармонике,

Ведь слышишь ты?

Играют на гармонике,

Ну что же в том?

Мне нравятся две родинки

На лбу крутом.

Ведь ты такая нежная,

А я так груб.

Целую так небрежно

Калину губ.

Куда ты рвешься, шалая?

Побудь, побудь...

Постой, душа усталая,

Забудь, забудь.

Она такая дурочка,

Как те и та...

Вот потому Снегурочка

Всегда мечта.

<1924>

«Не криви улыбку, руки беребя...»

Не криви улыбку, руки беребя, Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо — Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно — Просто захотелось заглянуть в окно.

4—5 октября 1925

Примечания

1 Лимон — образ солнца. (Прим. С. Есенина.)